

Е Ючуань смотрел, как лицо Цзян Няньчжи расплывается в улыбке после его похвалы, но стоило ему добавить еще одну фразу, как тот мгновенно сник, словно его огрели дубиной. На лице Цзян Няньчжи отразилась полная растерянность и неловкость. Е Ючуань не считал, что сказал что-то не то, но, видя это подавленное выражение, почему-то почувствовал досадный дискомфорт.

Кухарка готовила быстро, так что неловкая пауза затянулась ненадолго.

Сидя за обеденным столом, Цзян Няньчжи с удивлением оглядывал обилие блюд. Их было больше десяти, хотя за столом сидели только он и Е Ючуань. Разве можно столько съесть? Обычно он обходился максимум двумя блюдами.

— Чего застыл? Положи мне чего-нибудь, — Е Ючуань, наблюдая, как парень ошарашенно таращится на стол, взглянул на его худощавую фигуру и решил, что с завтрашнего дня кухарка должна добавлять к трапезе еще и укрепляющий бульон.

— А, хорошо... — услышав спокойный, властный тон Е Ючуаня, Цзян Няньчжи послушно кивнул.

Он посмотрел на аппетитные яства и, протянув руку, положил кусок мяса в чашу Е Ючуаня. Это был сочный, с жирком кусок тушеного мяса, обильно политый густым соусом и присыпанный мелкими семенами кунжута и рубленным зеленым луком. Аромат был просто восхитительный.

Однако Е Ючуань лишь приподнял бровь, и у него возникло нехорошее предчувствие.

Так и вышло. Секундой позже он услышал, как тонкие губы того произнесли:

— Я не ем жирное мясо.

Цзян Няньчжи замер с палочками в руках. Как же так? Он ведь тайком разузнал, что Е Ючуань любит мясо с прослойками жира. Неужели все его старания запомнить предпочтения этого человека были напрасными?

Не решаясь больше проявлять инициативу, Цзян Няньчжи с мольбой смотрел на Е Ючуаня, ожидая подсказки. Но тот лишь бросил на него взгляд и небрежно бросил:

— Что ты на меня уставился? Продолжай! — Ему показалось забавным, с каким жалким видом парень ждет его реакции, и он не удержался от соблазна подразнить его.

— Ох... — сухо отозвался Цзян Няньчжи. Он снова перевел взгляд на блюда и потянулся к баклажанам, но, прежде чем его палочки коснулись еды, снова услышал:

— Баклажаны я тоже не ем.

Стоявшая поодаль кухарка невольно дернула глазом. Боже, с каких это пор у молодого господина проявилась такая привередливость? Даже если он и капризничает, разве не он сам десятки раз утверждал это меню, выбирая именно то, что любит?

Цзян Няньчжи перевел палочки на говядину с сельдереем.

— Сельдерей я тоже не ем, — снова раздался ленивый голос Е Ючуаня. — Даже запах не переносу.

Цзян Няньчжи посмотрел на свои палочки, которые уже успели коснуться сельдерея, молча отложил их и взял новые. Увидев растерянное лицо кухарки и едва заметную усмешку на губах Е Ючуаня, он внезапно все понял.

Обед растянулся на полтора часа, и целый час из них ушел только на то, чтобы Цзян Няньчжи подкладывал еду Е Ючуаню. Проглотив последний кусочек риса, Цзян Няньчжи почувствовал, что это был самый роскошный и в то же время самый изнурительный обед в его жизни.

Увидев, как измученно выглядит парень после еды, Е Ючуань приподнял бровь и поднялся вверх. Цзян Няньчжи остался внизу и снова принялся усердно зубрить материалы.

Прошло еще три часа. Глаза начали слезиться, и Цзян Няньчжи, протерев их, облегченно выдохнул: наконец-то, наконец-то он все выучил.

Позади послышался голос:

— Все выучил?

Цзян Няньчжи обернулся и увидел Е Ючуаня, который стоял за диваном со стаканом воды.

— Да, все, — Цзян Няньчжи немного нервничал. Е Ючуань переоделся в домашнюю одежду. Обычно его волосы были гладко зачесаны назад, но сейчас пряди падали на лоб, отчего он выглядел куда дружелюбнее и еще красивее.

Е Ючуань взглянул на часы:

— Скоро привезут одежду. Часа в три.

Цзян Няньчжи недоуменно смотрел на него, не понимая, к чему это.

Е Ючуань добавил:

— Купил тебе.

— А? — парень, наконец осознав смысл сказанного, поспешно отказался: — Нет, не нужно, спасибо, у меня есть своя одежда. — На его бледных щеках проступил румянец.

Но тут же он услышал:

— Даже если ты мой фиктивный супруг, не стоит выглядеть так убого.

Сказав это, Е Ючуань ушел наверх, даже не заметив, что в его словах было что-то не так.

Цзян Няньчжи остался стоять на месте, опустив голову. Его лицо побледнело, а взгляд упал на собственную белую рубашку — на сердце стало горько и тоскливо. Он был сиротой и с детства привык к нужде. Он не воровал и не грабил, был беден, но никогда не считал, что в этом есть что-то неправильное.

Слово убогий он часто слышал от других, но никогда не принимал близко к сердцу. Но когда это прозвучало из уст Е Ючуаня, стало по-настоящему обидно.

Он был как маленькая улитка: перед чужаками у него был твердый панцирь, он был неуязвим, ничего не боялся, и его не ранило чужое мнение. Но перед Е Ючуанем он был полон осторожности и чувства собственной неполноценности. Ту мягкую, беззащитную часть души, которую он никогда не показывал другим, он открыл лишь Е Ючуаню, и именно он ее ранил.

Хотя Цзян Няньчжи понимал, что Е Ючуань бросил это слово не подумав, именно нечаянно оброненные слова ранят сильнее всего. Он вспомнил, как при входе его остановила охрана — Е Ючуань наверняка даже не представлял, что его могут не пустить. Между ними была пропасть, как между небом и землей.

Похоже, нужно срочно начать зарабатывать деньги, — вздохнул про себя Цзян Няньчжи. Хотя он и лелеял мечту превратить фиктивный брак в настоящий, чувствовал себя рядом с Е Ючуанем ничтожным. В этом мире деньги и власть — основа всего. А у него ничего нет. И какая польза от одного лишь искреннего сердца? Он ничего не может дать Е Ючуаню, и теперь вынужден принимать его подачки, позволять себя содержать.

Подавив обиду, Цзян Няньчжи вновь натянул на лицо мягкую улыбку — он знал, что именно таким он выглядит наиболее безобидным и вызывает жалость.

<http://bllate.org/book/20014/1974855>